

УДК 7.04

DOI: 10.24412/2686-7443-2023-2-9-16

Мирошник Алина Дмитриевна, бакалавр. Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, ул. Старая Басманная, д.21/4с1, 105066. 28alinam@mail.ru ORCID: 0009-0004-9133-8177

Miroshnik, Alina Dmitrievna, bachelor of arts, researcher. National Research University “Higher School of Economics”. Moscow, 21/4 Staraya Basmannaya st., 105066. 28alinam@mail.ru ORCID: 0009-0004-9133-8177

ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ СЦЕНЫ СМЕРТИ ИУДЫ ИСКАРИОТА В МОРАЛИЗОВАННЫХ БИБЛИЯХ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIII ВЕКА

INTERPRETATIONS OF JUDAS ISCARIOT'S DEATH IN THE BIBLES MORALISÉES OF THE 3RD DECADE OF THE 13TH CENTURY

Аннотация. Образ Иуды Искарота в исследовательской литературе второй половины XX в. (Р. Меллинкофф, С. Липтон) часто рассматривается в контексте антииудейского дискурса и отождествлении апостола-предателя с евреями. Так, его изображения довольно продолжительный период изучаются в комплексе с изображениями иудеев, редко выделяясь как самостоятельный объект исследований. Тем не менее, в работах первых десятилетий XXI в. (А. Вебер, А. Лафран) намечается вектор трактовки образа как морализаторской эмблемы (exemplum), активно используемой монахами нищенствующих орденов во время проповедей, что нашло своё отражение в распространении образов Иуды Искарота в скульптуре готических порталов (например, западный портал Фрайбургского собора, к. XIII в. и западный портал Страсбургского собора, 1280–1285 гг.), а также в их включении в программу оформления романских капителей (например, в капители нефа собора Сен-Лазар, Отен, 1125–1130 гг.). Наиболее отчетливо такое функционирование проявляется также в Морализованных Библиях, где сцена смерти Иуды получает различные интерпретации: от социальных до морализаторских. В статье предлагается рассмотреть особенности интерпретации образа апостола в рукописях Морализованных Библий (Толедской Морализованной Библии, Морализованных Библий из собраний Бодлианской, Британской библиотек; Французской национальной библиотеки и Национальной библиотеки Австрии), что позволит существенно расширить функции, сообщаемые данному образу.

Ключевые слова: иконография Иуды Искарота, Морализованные Библии, Exemplum, Нищенствующие ордена.

Abstract. The Judas' images in the researches of the 2nd half of the 20th century (R. Mellinkoff, S. Lipton) is considered in the context of anti-Jewish discourse. Thus, they have not been studied for a rather long period as an independent research object. However, researchers of the 1st decade of the 21st century. (A. Weber, A. Lafran) outline the images' interpretation as an exemplum, which was mostly used by the monks of mendicant orders during sermons. It is reflected in the spread of Judas' images in the sculpture of Gothic western portals (the Freiburg Cathedral, end of the 13th century and the Strasbourg Cathedral, 1280–1285) and in Romanesque capitals (in the capitals of the nave of the Autun Cathedral, 1125–1130). This functioning is highlighted in the Bible moralisée, where the scene of the Judas' suicide receives various interpretations: from social to moralizing. The article considers the images' interpretation in the Bible moralisée (Bible moralisée de Tolède, the Bible moralisée from the Bodleian and British libraries; the French National Library and the National Library of Austria), which will expand the functions associated with this scene.

Keywords: iconography of Judas Iscariot, Moralized Bibles, Exemplum, Mendicants orders.

Морализованные Библии — особый тип французских манускриптов третьего десятилетия XIII вв. Данные рукописи предназначались для мирян — в первую очередь, членов королевской семьи (напр., Библия Людовика Святого, которая также именуется Толедская Морализованная Библия) [3, с. 219–227]. Структура манускриптов предполагает наличие пар медальонов (обычно — четырех), где верхний — это иллюстрация к ветхо- или новозаветному событию, а нижний — комментарий к нему. Оба медальона сопровождалась текстами: библейским и текстом-пояснением, соответственно. При этом, поясняющие изображения и способы их сопоставления с верхними медальонами были направлены на обличение конкретных социальных пороков (симонии, ростовщичества) и христианских грехов (скупости). Вместе с тем, они представляли универсальную историю развития человечества и человеческой истории через типологическое сопоставление [3, с. 219–224] сюжетов из Ветхого и Нового Заветов и включение сценок из современной жизни [3, с. 219–224]. То есть, манускрипты предлагали интерпретацию и объяснение не только отдельных религиозных, но и исторических, и социальных аспектов, а потому позволяли членам монаршей семьи как запоминать отдельные исторические события, устанавливая

взаимосвязи между ними через сопоставление сюжетов; так и избирать себе определённые моральные ориентиры [3, с. 224].

Исследователи (например, Джон Лауден [16], Анни Лафран [14], Светлана Лучицкая [3]) обычно выделяют два типа комментариев: социальный, предполагающий порицание общественных или христианских пороков через изображение определенных социальных слоев (духовников, евреев), ассоциирующихся с этими пороками, и типологический/прообразовательный, когда к библейскому сюжету подбирается прообразовательное событие. Однако кажется весьма справедливым добавить еще два вида пояснений: аллегорическое и морализаторское, где первое предполагает ассоциацию конкретного библейского персонажа с определенным набором грехов или добродетелей, а второе — дидактическую функцию, своеобразное наставление читателю. Кроме того, представляется необходимым сделать некоторое уточнение в классификации, предложенной предыдущими исследователями, — так, типологический комментарий в Морализованных Библиях будет обогащаться социальными, морализаторскими¹ и аллегорическими смыслами, что объясняется назначением самих рукописей, нацеленных на мирян². Наличие четырех вышеупомянутых типов коммента-

риев с учетом на особую трактовку типологических становится особенно очевидным на примере медальонов с изображениями сцен смерти Иуды Искариота.

В данной статье рассматриваются пять манускриптов ок. 1230–1235 г.г.: Венская Морализованная Библия (Codex Vindobonensis 2554, Австрийская национальная библиотека, Вена), Толедская Морализованная Библия (MS. M. 240, Сокровищница Толедского собора, Толедо), Морализованные Библии из собраний Британской (Harley 1527, Лондон) и Бодлианской библиотек (Bodl. 270b, Оксфорд), и Французской национальной библиотеки (lat. 11560, Париж). Медальоны со сценами смерти Иуды встречаются во всех исследуемых рукописях в общей сложности пять раз: один — в качестве верхнего медальона к тексту Евангелия от Матфея; четыре — в качестве нижнего медальона ко 2-й книге Царств, книге Псалмов, книге Пророка Захарии и книге Притчей. Иконографически они все крайне схожи, поскольку, предположительно, Морализованные Библии довольно точно копировали друг друга [3, с. 223; 14, р. 153–165].

Изображения смерти Иуды довольно точно отражают типы комментариев в рукописях: социального, типологического (но с учетом его особой трактовки) и морализаторско-аллегорического. Изучение особенностей интерпретации сцены становится тем более интересной, если помнить о предположении, высказанном рядом исследователей [21, р. 165–188; 14, р. 178], относительно особенностей составления иконографической программы манускриптов — вероятно все, ее разработкой занимались монахи доминиканского ордена, который к моменту создания Морализованных Библий был распространен во Франции. В таком случае, функционирование медальонов со сценами смерти Иуды Искариота в качестве комментариев всех типов может объясняться тем, что служители указанного ордена исполняли данный образ в своих проповедях в качестве своеобразной визуальной иллюстрации с целью эмоционального воздействия на зрителя (например, нам известен Жиль д'Орлеан [21, р. 171–172] — доминиканский монах-проповедник) [21, р. 171–172]. Соответственно, уже в проповеднических текстах образ повесившегося апостола-предателя становится своеобразной морализаторской эмблемой (exemplum), что закрепляется в Морализованных Библиях.

Несмотря на исследовательский интерес 2-й половины XX в. к иконографии отверженных обществом в средневековом искусстве и ее изучения через призму социо-культурных изменений, монографий или статей, посвященных особенностям трактовки образа Иуды Искариота, существует крайне мало. Среди них мы можем особенно выделить фундаментальную работу Рут Меллинкофф «Отверженные: знаки инаковости в Североевропейском искусстве Позднего Средневековья» (1994) [17], где рассматривается весь комплекс сюжетов с участием апостола-предателя через влияние на них социально-культурного контекста. Исследовательница особенно подчеркивает постепенное отождествление Иуды Искариота с евреями, что проявляется на иконографическом уровне. Она связывает такое сближение двух образов с активными гонениями на еврейские общины в начале XIII века [17, р. 206, 212, 216–217]. Следует отметить, что и последующие исследователи (например, Сара Липтон [15], Аннет Вебер [21] и Анна Лафран [14]), наследуя подход Р. Меллинкофф, продолжают изучать иконографию Иуды Искариота в контексте влияния на нее антииудейской полемики.

Тем не менее, Аннет Вебер и Анна Лафран выдвигают ряд предположений, ставших ключевыми для нашей работы. Так, А. Вебер, анализируя особенности трактовки образа повесившегося Иуды в тимпане западного портала Фрайбургского собора (ок. 1300 г.), приходит к выводу, что интерпретация данного изображения будет зависеть, с одной стороны, от сакральной топографии изображения (т.е., его функционирования и предназначения) [21, р. 185–186]. С другой стороны, сама трактовка образа как некой эмблемы (exemplum³), существующей как бы вне Страстного цикла (где он и помещается), связана с проповеднической деятельностью монахов доминиканского ордена, которые апеллировали к Иуде в проповедях [21, р. 185–186].

Анна Лафран же в статье, посвященной сценам смерти Иуды в Морализованных Библиях, продолжает рассуждения А. Вебер, настаивая на том, что образ повесившегося апостола

в данных манускриптах служит назидательным примером для мирянина [14, р. 178]. Кроме того, изучая особенности трактовки сюжета, исследовательница также анализирует большое количество богословских текстов (напр., Ординарную глоссу, конец XII – начало XIII вв.⁴), поясняющих отношение к Иуде и возникновение типологических трактовок. Однако предложенная ей классификация сцен смерти апостола-предателя в зависимости от положения медальона (верхний / нижний) кажется нам не вполне убедительной, поскольку непроясненными остаются некоторые моменты относительно особенностей трактовок самих изображений и логики организации самих пар медальонов. Кроме того, в заключении А. Лафран на основе проанализированных ей изображений приходит к несколько противоречивым выводам, предполагая, что образы Иуды весьма точно отражают антииудейские репрессии первых трёх десятилетий XIII в. [21, р. 189–192] Это представляется несколько неочевидным, поскольку отсутствует четкая классификация медальонов.

Более же эффективной кажется разделение изображений смерти Иуды Искариота внутри Морализованных Библий по типам комментариев, которыми они сопровождаются (в случае, если медальон с апостолом-предателем выступает в качестве верхнего) или которыми они сами становятся (в случае нижних медальонов). Соответственно, мы предполагаем делить работу на три раздела: сцены смерти Иуды Искариота как социальный (Толедская Морализованная Библия (fol. 59v) и Морализованная Библия из собрания Британской библиотеки (fol. 56r)), типологический (Венская Морализованная Библия (fol. 47v), Толедская Морализованная Библия (fol. 4r, fol. 126r, fol. 223v), Морализованная Библия из собрания Бодлианской библиотеки (fol. 158r), Морализованная Библия из собрания Французской национальной библиотеки (fol. 4r, fol. 221v)) и морализаторско-аллегорический комментарии Толедская Морализованная Библия (fol. 51v) и Морализованная Библия из собрания Французской национальной библиотеки (fol. 51v)).

1. Изображения смерти Иуды Искариота в качестве типологического комментария в Морализованных Библиях 1230-х годов

В качестве типологического комментария и, соответственно, в роли нижнего медальона сцена смерти Иуды встречается три раза: в иллюстрации ко 2-й книге Царств (18:9–17; медальон с Иудой несколько выбивается из хронологии, являясь иллюстрацией к 2Цар. 17:23⁵), где повествуется о предательстве царя Давида сыном Авессаломом и советником Ахитофелом; в 7-ом Псалме и в книге пророка Захарии (11:13⁶).

1.1. Изображение смерти Иуды Искариота в качестве типологического комментария ко 2-й книге Царств в Морализованных Библиях 1230-х годов

Во 2-й книге Царств смерть Иуды Искариота сопоставляется со смертью помощника Давида Ахитофела, который, подобно апостолу-предателю, повесился после того, как его с Авессаломом восстание против ветхозаветного царя обернулось неудачей. Традиция трактовать самоубийство Ахитофела как прообраз смерти апостола-предателя берет свое начало в ранних богословских комментариях на 7-й Псалом. Так, Августин (ок. 390 г.) связал 1-й стих данного гимна («Боже хвалы моей! Не премолчи») с Искариотом, полагая, что Псалом является молитвой царя Давида за предателей [23, р. 91]. Несомненно, богослов видит в этом указание не только на ветхозаветных предателей (Авессаломом и Ахитофелом), но и на Иуду Искариота.

В бенедиктинских «Толкованиях на Псалтирь», VII в. (Glosa Psalmorum ex Traditione Seniorum) 16-й стих 7-го Псалма трактуется как ров для «Ахитофела, выступившего против Давида; Иуды и евреев — против Христа; и гонителей — против Церкви»⁷. Открывается комментарий на указанный гимн строчками: «Когда Иуда предал Христа во время Страстной недели, он будто бы предал брата; и когда Христа снимали с Креста, Иуда готовился к собственной кончине через повешение на веревке. Он был как Ахитофел, который готовился к низвержению Давида, однако был низринут сам»⁸ (пер. автора. – А.М.).

Несмотря на наличие комментариев, трактующих смерть Ахитофела как прообраз смерти Иуды, в Венской Мора-

лизированной Библии (fol. 47v), Толедской Морализованной Библии (fol. 126r) и Морализованной Библии из собрания Бодлианской библиотеки (fol. 270b) медальон с Искарриотом (илл. 1) не является чисто типологическим. Он оказывается вписанным в общий нарратив листа, поскольку предательство Авессаломом и Ахитофелом Давида могло вызывать закономерную ассоциацию с предательством Иудой Христа. В таком случае, образ повесившегося апостола-предателя должен каким-то образом быть связанным с парным медальоном на листе. Интересен текст, сопровождающий оба медальона: «Советник Авессалома, Ахитофел, решив, что Авессалом мертв, отказался от плана и повесился на верёвке от горя»⁹ (для верхнего) и «Да утешит Ахитофел Иуду-предателя, который от тяжести своего греха впал в отчаяние и от горя удавился на петле»¹⁰ (для нижнего) (пер. автора. — А.М.).

Кроме изображений смерти Ахитофела и Иуды, которые представляют последнюю пару на листе, здесь также размещены сцены смерти Авессалома (2Цар. 18:9) в сопоставлении с евреями, подвергающими сомнению истинность учения Христа¹¹. Затем следует сюжет с Иоавом, пронзающим копьем мертвое тело Авессалома (2Цар. 18:14), что сравнивается с тремя пороками, руководимыми дьяволом¹². Наконец, последняя — это похороны Авессалома (2Цар. 18:17) в сопоставлении с медальоном низвержения сатаны во ад¹³.

Если рассматривать образ повесившегося Иуды Искарриота вместе с вышеперечисленными медальонами, получается, что он в силу смыслового соотношения одновременно ассоциируется с евреями, тремя пороками (гордыней, жадностью, похотью) и с дьяволом, низвергающимся в ад. Так, типологический комментарий обогащается социальными (отождествлением с евреями), морализаторскими (сравнение с мучениями Сатаны в аду) и аллегорическими (сопоставление с тремя пороками) аспектами. Это предположение кажется тем более убедительным, если мы посмотрим на особенности трактовки образа повесившегося Иуды Искарриота в книге Псалмов и книге пророка Захарии, где также традиционная типологическая трактовка становится основой для последующих вариаций на социальные и моральные темы.

1.2. Изображения смерти Иуды Искарриота в качестве типологических комментариев в кн. Псалмов и кн. пророка Захарии в Морализованных Библиях 1230-х годов

В кн. Псалтирей Толедской Морализованной Библии (fol. 4r) и Морализованной Библии из собрания Французской национальной библиотеки (fol. 4r) текст 7-го Псалма иллюстрируется изображениями Хусии, дающего советы Авессалому, и повесившегося Ахитофела. Данный медальон сопровождается медальоном со сценой самоубийства Иуды Искарриота, помещенной в одном изобразительном поле с судом Пилата (илл. 2). Источники такой типологической трактовки мы уже упоминали выше, приводя в пример три текста.

Примечателен комментарий, который подбирается к нижнему медальону: «Также как Ахитофел олицетворяет Иуду, Авессалом — евреев; также как Давид пострадал из-за своего сына, также и Иисус пострадал за людей, ибо, как сказано у пророка Исайи: «Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня»¹⁴ (пер. автора. — А.М.). А. Лафран предполагает, что в данном случае Иуда ассоциируется с евреями, поскольку, подобно тому, как евреи отрицали божественную природу Христа, также и Авессалом с Ахитофелом не желали принять Давида в качестве богоизбранного царя [14, р. 176]. Подобное мы видели ранее, рассматривая медальоны из 18-й гл. кн. Царств, где медальон с Иудой соотносится со смертью Авессалома, которая сравнивается с заблуждениями иудейской веры.

В книге пророка Захарии в Толедской Морализованной Библии (fol. 223v) и Морализованной Библии из собрания Французской национальной библиотеки (fol. 221v) к иллюстрации с, собственно, Захарией, возвращающим деньги, за которые будет продан Господь сынами Израиля, в качестве комментария подобрано изображение с Иудой, точно также возвращающим деньги первосвященникам, и Иудой, но уже повесившимся (илл. 3). Комментарийский текст: «Это предвосхищает возврат денег Иудой первосвященникам — он бросил деньги в отчаянии, а затем

пошел и удавился»¹⁵ (пер. автора. — А.М.). Так, изображение с Искарриотом в данном случае предполагает обличение евреев, которые, подобно Иуде, предали Господа за деньги. То есть, комментарий к верхнему медальону подбирается в первую очередь по сходному действию и сюжету, не исключая при этом и возможных социальных интерпретаций.

Таким образом, изображения смерти Иуды Искарриота в качестве нижних типологических медальонов подбираются не просто по прообразовательному принципу, но они одновременно с этим часто направлены на обличение заблуждений иудейской веры, что подтверждается примерами из 2-й книги Царств, книге Псалтирей и книге пророка Захарии. Кроме того, во 2-й книге Царств, поскольку сцена оказывается вписанной в общее повествование, представленное на листе, она также приобретает отчетливое морализаторское и аллегорическое толкование через соотнесение Иуды с тремя пороками и сравнением его смерти с мучениями сатаны в аду, что найдет свое подтверждение в иллюстрации к книге Притч.

2. Сцена смерти Иуды Искарриота в качестве морализаторско-аллегорического комментария в Морализованных Библиях 1230-х годов

В книге Притчей Толедской Морализованной Библии (fol. 51v) и Морализованной Библии из собрания Французской национальной библиотеки (fol. 51v) 3-й стих 18-й главы: «С приходом нечестивого приходит и презрение, а с бесславием — поношение» иллюстрируется изображениями двух прелюбодеев (мужчины и женщины), которым читает наставления прелат (возможно, доминиканский), и мужчины, поднимающегося по лестнице пороков. Комментарием к данной сцене служит иллюстрация с повесившимся Иудой и дьяволом, низвергающимся грешников в адскую пасть (илл. 4). Изображение сопровождается следующим текстом: «Иуда, погрязший в своих пороках, отчаялся и отвернулся от истинного света, и повесился, а дьявол бросил его в ад»¹⁶. Какого рода эти самые пороки указано в верхнем медальоне. Причем иконографически изображение повесившегося Иуды коррелирует с изображением грешника — оба показаны в одинаковой позе и одеждах одного цвета. Так, с одной стороны, Искарриот ассоциируется с нечестивцами, что продолжает тему, заданную во 2-й книге Царств. С другой же стороны, нижний медальон со сценой смерти Иуды имеет и морализаторский характер, где его самоубийство служит своеобразным наставлением прелюбодействующим в верхнем медальоне; указанием на их возможную участь — быть низринутыми, подобно Иуде, во ад. В свою очередь, под аллегорией предполагается ассоциация конкретного библейского персонажа с христианским грехом.

3. Изображения смерти Иуды Искарриота и их социальное толкование в Морализованных Библиях трех десятилетий XIII в.

В Толедской Морализованной Библии (fol. 59v) и Морализованной Библии из Британской библиотеки (fol. 56r) верхние медальоны со смертью Иуды, являющиеся частью новозаветного нарратива, сопровождаются социальным комментарием, направленным на обличение епископов, уличенных в симонии (илл. 4). В Толедской Библии данная сцена представлена смертью епископа, купившего свою должность; в Библии из Британской библиотеки изображение смерти дополняется непосредственно самим актом покупки. Текст Евангелия от Матфея (27:5) сопровождается соответствующим комментарием: «Это (смерть Иуды. — прим. А.М.) означает, что те, кто уличается в симонии, также попадают в ловушку и обрекают себя на раннюю смерть»¹⁷ (пер. автора. — А.М.).

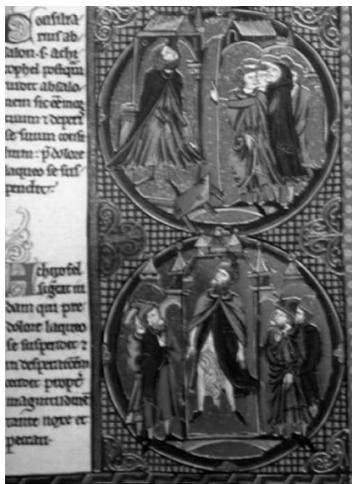
Такое сравнение Иуды Искарриота с симониаками кажется отнюдь неслучайным. Во-первых, в богословских текстах IV–VI вв. (в частности — Амвросия Медиоланского, ок. 340–397 гг., Григория Великого, ок. 540–604 гг.) апостол-предатель будет называться «самым мерзким из торговцев» (*mercator pessimus*)¹⁸. То есть Иуда относительно рано начнет ассоциироваться с людьми, чья деятельность тесно связана с деньгами.

Во-вторых, Иуда Искарриот часто фигурирует в текстах о симонии 2-й половине XI в. Так, Бруно Остийский (ок. 1047–

Илл. 1.
Слева: Смерть Иуды (верхний медальон) и Смерть епископа, уличенного в симонии (нижний медальон), Толедская Морализованная Библия, 1230 – 1235 гг., fol. 59v, Библиотека сокровищницы Толедского собора, Толедо.

Справа: Смерть Иуды (верхней медальон); Симония и Смерть епископа, уличенного в симонии (нижний медальон), Морализованная Библия, 1230 – 1235 гг., Harley 1527, fol. 56r, Британская библиотека, Лондон. Источник: Британская библиотека, Лондон.

Илл. 2.
Слева: Смерть Ахитофела (верхний медальон) и Смерть Иуды (нижний медальон), Толедская Морализованная Библия, 1230–1235 гг., fol. 126r, Библиотека сокровищницы Толедского собора, Толедо.

В центре: Смерть Ахитофела (верхний медальон) и Смерть Иуды (нижний медальон), Морализованная Библия, 1230–1235 гг., Bodl. 270b, fol. 158r, Бодлианская библиотека, Оксфорд.

Справа: Смерть Ахитофела (верхней медальон) и Смерть Иуды (нижний медальон), Венская Морализованная Библия, 1230–1235 гг., Codex Vindobonensis 2554, fol. 47 v, Национальная библиотека Австрии, Вена.

Илл. 3.
Слева: Смерть Ахитофела (верхний медальон); Суд Пилата и Смерть Иуды (нижний медальон), Морализованная Библия, 1230–1235 гг., lat. 11560, fol. 4r, Французская национальная библиотека, Париж.

Справа: Смерть Ахитофела (верхний медальон); Суд Пилата и Смерть Иуды (нижний медальон), Толедская Морализованная Библия, 1230–1235 гг., fol. 4r, Библиотека сокровищницы Толедского с., Толедо.

Илл. 4.

Слева: Захария возвращает деньги в церковную сокровищницу (верхний медальон); Иуда возвращает деньги первосвященникам и Смерть Иуды (нижний медальон), Толедская Морализованная Библия, 1230–1235 гг., fol. 223v, Библиотека сокровищницы Толедского собора, Толедо.

Справа: Захария возвращает деньги в церковную сокровищницу (верхний медальон); Иуда возвращает деньги первосвященникам и Смерть Иуды (нижний медальон), Морализованная Библия, 1230–1235 гг., lat. 11560, fol. 221v, Французская национальная библиотека, Париж.

Илл. 5.

Слева: Иллюстрация к Кн. Притчей (верхний медальон); Смерть Иуды и Дьявол, низвергающий грешников в ад (нижний медальон), Толедская Морализованная Библия, 1230–1235 гг., fol. 51v, Библиотека сокровищницы Толедского собора, Толедо.

Справа: Иллюстрация к Кн. Притчей (верхний медальон); Смерть Иуды и Дьявол, низвергающий грешников в ад (нижний медальон), Морализованная Библия, 1230–1235 гг., lat. 11560, fol. 51v, Французская национальная библиотека, Париж. Библия, 1230–1235 гг., lat. 11560, fol. 221v, Французская национальная библиотека, Париж.

1123 г.) в «Памфлетах о симонии» пишет: «Это, очевидно, великий грех продавать или покупать Святой дух...Иуда — тот, кто продал, иудеи — те, кто купили»¹⁹. Ту же самую мысль повторяет Гумберту Сильва-Кандидский в «Трёх книгах о симонии» (1058 г.) [23. р. 136]. Он же называет смерть Иуды Искариота своеобразным наставлением симониакам: «Пусть же они увидят возможные последствия (т.е., имеется в виду смерть Иуды. — прим. А.М.) своих поступков: кем они могут стать и что их может ожидать»²⁰ и «Те, кто промышляет симонией, также подвержены жадности, а потому они вечно падшие, поскольку постоянно пытаются предать Святой Дух»²¹ (пер. автора. — А.М.).

Наконец, такое сравнение смерти апостола-предателя со смертью пресвитеров, уличенных в симонии, становится особенно актуальным на фоне социально-культурных и экономических изменений конца XII — 1-й половины XIII в. Дело в том, что с ростом городов и, соответственно, развитием торговли меняется характер товарно-денежных отношений — значение денег возрастает, возникает тенденция к их постоянному накоплению, появляются ростовщичество, основной доход которых предполагает как раз сохранение и преумножение материального достатка. Такие изменения активно порицаются монахами нищенствующих орденов (францисканцами, доминиканцами), проповедующих полный отказ от материальных благ.

Соответственно, ассоциация смерти Иуды Искариота со смертью симониаков кажется весьма закономерной по целому ряду причин: отождествления апостола-предателя со скупцами в богословской традиции IV–VI вв.; частое упоминание его имени в трактатах о симонии 2-й половины XI в.; изменения в социально-культурной и экономической сферах конца XII — 1-й половины XIII вв. Так, образ повесившегося апостола-предателя приобретает как бы двойную функцию, где первая обуславливается нахождением сцены в Страстном нарративе и ассоциацией Иуды с традиционными христианскими грехами (предательство и отчаяние), а вторая — особенностями контекста и иконографической программы, предполагающей обличение отдельных социальных пороков через сопоставление с библейскими событиями.

Примечательно, что предыдущая миниатюра, содержащая изображение Иуды, возвращающего деньги первосвященникам, сопровождается в указанных манускриптах (Толедская:

fol. 59v и Библии из Британской библиотеки fol. 56r) изображениями реституции. Итак, одна из функций образа повесившегося апостола-предателя — обличение тех социальных пороков, которые связаны с деньгами.

4. Общие выводы относительно особенностей трактовки образа повесившегося Иуды Искариота в Морализованных Библиях 1230-х годов

Таким образом, трактовка сцены смерти Иуды Искариота предполагает куда более широкие смыслы, чем простая ассоциация апостола с евреями, как предполагают А. Вебер и А. Лафран. Происходит расширение типологического аспекта за счет социального и морального в отношении светского читателя. При этом, любопытно, что один и тот же сюжет может вызывать различные ассоциации и закреплять за персонажем различные же роли. В зависимости от контекста возникновения изображений, его соотношения с другими медальонами, сопроводительным текстом образ повесившегося Иуды Искариота может иметь различные функции и обличать конкретные пороки, начиная от самого очевидного — самоубийства и заканчивая алчностью, ростовщичеством.

Назидательный же смысл сцены представляется особенно актуальным в рамках тезиса об участии в составлении иконографической программы монахов доминиканского ордена. Если данный тезис и наши наблюдения являются верными, в таком случае особенности интерпретации изображений самоубийства Искариота в Морализованных Библиях могут стать ключом к пониманию функционирования определенных образов в пространстве монашеской проповеди. Примечательно, что в более поздних памятниках, создававшихся также, предположительно, под непосредственным руководством монахов-доминиканцев (нап., западный портал Страсбургского собора, ок. 1280 г. и западный портал Фрайбургского собора, кон. XIII в.) данный образ, несмотря на свою принадлежность к Страстному циклу, будет существовать как самостоятельная эмблема (*exemplum*), чья основная функция — обличение отдельных социальных или христианских пороков, а также порицание конкретных групп населения (иудеев, в первую очередь) [21, р. 172].

Примечания:

¹ В данном случае, под термином «морализаторский» в контексте типологических сопоставлений мы имеем в виду усиление порицания определённого поступка, христианского греха за счёт поиска к нему прообразов или изображений на схожий сюжет.

² Предыдущие памятники, организованные по типологическому принципу, функционировали либо как теологические трактаты (нап., Штаммхаймский миссал, 1170-е гг., MS. 64, Музей Гетти, Лос-Анджелес), либо как богослужебные предметы (нап., Никола Верден, Клостернойбургский алтарь, 1181 г., капелла Леопольда, абб. Клостернойбург), а потому были направлены, в первую очередь, на клириков.

³ *Exemplum* (букв. «пример») — текст различного размера, который используется монахами во время проповеди и, таким образом, имеет дидактическую / морализаторскую функцию. Чаще всего такие «примеры» представляли рассказ о каком-либо чуде, святом, грешнике и т.д., дабы наставить мирянина на путь благочестия и отвращение от греха. Поскольку термин *exemplum* используется и по отношению к изображениям отдельных библейских персонажей, которые иллюстрировали рассказ, — мы посчитали корректным перевести его как «морализаторская эмблема».

⁴ Walafridus Strabo. *Glossa Ordinaria* // *Patrologia Latina*: t. 113 / ed. J.-P. Migne. Venid Apud Editorem, 1852. Col. 1315. Так же: Walafridus Strabo. *Glossa Ordinaria* // *Patrologia Latina*: t. 114 / ed. J.-P. Migne. Venid Apud Editorem, 1852. Col. 1159.

⁵ «И увидел Ахитофел, что не исполнен совет его, и оседлал осла, и собрался, и пошел в дом свой, в город свой, и сделал завещание дому своему, и удавился, и умер, и был погребен в гробе отца своего» (пер. автора. — А.М.).

⁶ «И сказал мне Господь: брось их (имеются в виду тридцать сребреников. — А.М.) в церковной хранилище, — высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял Я тридцать сребреников и бросил их в дом Господень для горшечника» (пер. автора. — А.М.).

⁷ Оригинальный текст: «Judas quando tradidit dominum in passione quasi ruina fratris fuit, ut ipse in crucem ascenderet et ipse suam ipsius ruinam sibi prae paravit, quia ipse laqueo se suspendit. Et Achitofel qui David prae paravit ruinam et ipse ruit». Цитата по: Boese H. *Die Alte "Glosa Psalmorum ex Traditione Seniorum"*. Freiburg: Verlag Herder, 1982. P. 87–92.

⁸ Там же.

⁹ Оригинальный текст: «Achitofel consiliarus Absalon postquam iudit absalonem sic esse mortuum et deperisse suumque consilium et pre dolore laqueo se suspendit».

¹⁰ Оригинальный текст: «Achitofel sigeat Iudam traditorem qui propter magnitudines peccati indesperationem cecidit et pre dolore laqueo se suspendit».

¹¹ Текст, сопровождающий нижний медальон: «Absalon in arbore per capillos suspensus significat iudeos qui post resurrectionem Domini in littera legis male intellecta remanserunt quasi suspensi nescientes quid facerent» (Пер. автора. — А.М.: «Авессалом повис на дереве;

волосы его символизируют евреев, которые после Воскресения Господня остались в неведении собственной буквы Закона, будто не зная, что делать»). Цитата по: [14, p. 178].

¹² Текст, сопровождающий нижний медальон: “Ioab insecutus vidit Absalon in arbore suspensum et eum tribus lanceis perforavit (2 S 18, 14–15). Ioab significat diabolum qui invenit pravos homines in mundo suspensos per desperationem et eos tribus lanceis superbia, cupiditate et luxuria perforavit” (Пер. автора. – А.М.: ««Иоав, преследующий Авессалома, увидел того повешенным и ударил его тремя копьями (2Цар. 18:14-15). Иова — это дьявол, который ищет нечестивых, отчаянно заблудших в своих грехах и пронзает их тремя копьями-пороками: гордыней, жадностью и похотью»»). Цитата по: [14, p. 179].

¹³ Текст, сопровождающий нижний медальон: “Absalon significat diabolum proiecum in inferno et coopertum penis et diversiis tormentis” (Пер. автора. – А.М.: «Авессалома — это дьявол, брошенный в ад и переполненный печалью и муками»). Цит. по: [14, p. 180].

¹⁴ Оригинальный текст: “Sicut per Achitophel significatur Judasita per Absalon significantur Iudei; sicut enim David a filio patitur ita Christus a populo quem enutrivit sustinuit multa mala sicut per Ysaia ait : filios enutrivit et exaltavi, ipsi autem spreverunt me”. Цитата по: [14, p. 191].

¹⁵ Оригинальный текст: “Hoc significat quod Judas desperatione ductus retulit triginta argenteos et proiecitis argenteis in templo abiens laqueo se suspendit”. Цит. по: [14, p. 192].

¹⁶ Оригинальный текст: “Hoc significat quod Judas longis peccatorum tenebris involutus de vera luce desperans abiens laqueo se suspendit et diabolum eum in inferno praecipitavit”. Цитата по: [146 p. 184].

¹⁷ Оригинальный текст: “Hoc significant eos qui laqueis seimonie illaqueati ad aliquam dignitatem conscendunt et ibi moriuntur in anima”. Цитата по: [14, p. 190].

¹⁸ См., напр., [5, col. 1203; 12, col. 746]. Оригинальный текст: “Judas mercator pessimus, osulo petit Dominum, ille, ut agnus innocens non negat Judas Osculum”.

¹⁹ Цитата по: [9, p. 559].

²⁰ Оригинальный текст: “Quampropter in primitiis suis discant symoniani, qui et quales sint et quid mereantur”. Humbert of Silva Candida. *Adversus Simoniacos Libri Tres*: vol. 1 / ed. F. Thaner. Hannover: IBH, 1891. Pp. 168–169.

²¹ Там же. Оригинальный текст: “Cuius propinquoeres sequaces effecti symoniani non minori avaritia ad hoc usque devolvuntur ut Spiritum sanctum prodere conentur”.

Список литературы:

1. Антонов Д. И. Цена крови, или Проклятые деньги Иуды Искариота // Фетиш и табу: Антропология денег в России / сост. А.С. Архипова, Я. Фруктманн. М.: ОГИ, 2013. С. 413–434.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета: Канонические / Синодальный перевод. М.: Российское Библейское общество, 2011. 927 с.
3. Лучицкая С. И. Морализованная Библия: из истории западноевропейской рукописной книги // Universitas Historiae: Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова / ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 219–227.
4. Орецкая И. А. Иуда Искариот: Иконография / Русская православная энциклопедия: Т. 28 / ред. Патриарха Кирилла. М.: Научно-исследовательский центр «Русская православная энциклопедия», 2016. С. 399–400.
5. Ambrosius Mediolanensis. Hymni // Patrologia Latina: t. 17 / ed. J.-P. Migne. Venit Apud Editorem, 1845. 1255 col.
6. Aurelius Augustinus. Enarrationes in Psalmos // Patrologia Latina: t. 4 / ed. J.-P. Migne. Venit Apud Editorem, 1845. 1967 col.
7. Baum P. F. The Medieval Legend of Judas Iscariot // Publications of the Modern Language Association. 1916. Vol. 31, № 3. P. 481–632.
8. Bible Moralisée: Codex Vindobonensis 2554, Vienna Österreichische Nationalbibliothek / comm. and trans. G. B. Guest. London: Harvey Miller Publishers, 1992. 144 p.
9. Bruno of Segni. Libellus de Symoniacis / ed. E. Sackur. Hannover: IBH, 1892.
10. Cassiodorus. Expositio in Psalterium // Patrologia Latina: t. 70 / ed. J.-P. Migne. Venit Apud Editorem, 1865. 1463 col.
11. Goetz O. Hie Hencktt Judas // Forum und Inhalt: Kunsteschichtliche Studien, Otto Schmitt zum 60 / ed. by H. Wentzel. Stuttgart W. Kohlhammer, 1950. S. 105–137.
12. Gregorius PP. I. Liber Responsalis sive antiphonatus // Patrologia Latina: t. 78 / ed. J.-P. Migne. Venit Apud Editorem, 1862. 1179 col.
13. Jursch H. Judas Ischariot // Lexikon der Christlichen Ikonographie: bd. 2 / ed. E. Kirshbaum. Freiburg: Verlag Herder, 1970. S. 444–448.
14. Lafran A. La Mort de Judas Iscariote dans les Bibles Moraliseses du XIIIe siecle // Revue Mabillon. 2007. T. 18. P. 163–192.
15. Lipton S. Jews in the Commentary Text and Illustrations of the Early Thirteenth-Century Bibles Moraliseses: PhD Thesis. New Haven: Yale University Press, 1991. 237 p.
16. Lowden Jh. The Making of the Bibles Moraliseses: vol. 1: the Manuscripts. Penn State University Press, 2000. 376 p.
17. Mellinkoff R. Outcasts: Signs of Otherness in Northern European Art of the Late Middle Ages: vol. 1. University of California Press, 1944. 360 p.
18. Porte W. Judas Ischarioth in der bildenden Kunst: PhD Thesis. Berlin, 1883. 118 p.
19. Schiller G. Iconography of Christian Art: the Passion of Jesus Christ: vol. 2 / Trans. by J. Seligman. London: Lund Humphries, 1972. P. 77–78.
20. Schintzler N. Judas' Death: Some Remarks Concerning the iconography of Suicide in the Middle Ages // The Medieval History Journal, 2000. Vol. 3, № 1. P. 103–118.
21. Weber A. The Hanged Judas of Freiburg Cathedral: Sources and Interpretations // Imagining the Self, Imagining the Other: Visual Representation and Jewish-Christian Dynamics in the Middle Ages and Early Modern Period / ed. E. Frojmovic. Leiden: Brill, 2002. P. 165–188.
22. Westerhoff I. Der Moralisierte Judas: Mittelalterliche Legende, Typologie, Allegorie im Bild // Aachener Kunstblätter des Museumsverien, 1995. Bd. 61. S. 85–156.
23. Zweig B. Depicting the Unforgivable Sin: Images of Suicide in Medieval Art: PhD Thesis. Boston, 2014. 390 p.

References:

- Ambrosius Mediolanensis (1845) ‘Hymni’, in Migne J.-P. (ed.) *Patrologia Latina*, vol. 17. Venit Apud Editorem. 1255 col.
- Antonov, D. I (2013). ‘Tsena krovi, ili Proklyatyte den’gi Iudy Iskariota’, in A.S. Arkhipova, Ia. Frukhtmann (ed.) *Fetish i tabu: Antropologiya deneg v Rossii [Fetish and taboo: Anthropology of money in Russia]*, pp. 413–434. (in Russian)
- Aurelius Augustinus (1845) ‘Enarrationes in Psalmos’, in Migne J.-P. (ed.) *Patrologia Latina: vol. 4*. Venit Apud Editorem. 1967 col.
- Baum, P. F. (1916) ‘The Medieval Legend of Judas Iscariot’, *Publications of the Modern Language Association*, 31 (3), pp. 481–632.
- Bible Moralisée: Codex Vindobonensis 2554, Vienna Österreichische Nationalbibliothek (1992), Guest G.B. (comm. and trans). London: Harvey Miller Publishers, 144 p.

- Bibliia. Knigi Sviashchennogo Pisaniia Vetkhogo i Novogo zaveta: Kanonicheskie* (2011) [*Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: Canonical*]. Moscow: Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo Publ. (in Russian)
- Bruno of Segni (1892) *Libellus de Symoniacis*. Sackur E. (ed.). Hannover: IBH.
- Cassiodorus (1865) 'Expositio in Psalterium', in Migne J.-P. (ed.) *Patrologia Latina: vol.7*. Venit Apud Editorem. 1463 col.
- Goetz, O. (1950) 'Hie Hencktt Judas', in Wentzel H. (ed.) *Forum und Inhalt: Kunsteschichtliche Studien, Otto Schmitt zum 60*. Stuttgart: W. Kohlhammer Publ., pp. 105–137. (in German)
- Gregorius PP. I. (1862) 'Liber Responsalis sive antiphonatus', in Migne J.-P. (ed.) *Patrologia Latina: vol. 78*. Venit Apud Editorem. 1179 col.
- Jursch, H. (1970) Judas Ischariot, in Kirshbaum E. (ed.) *Lexikon der Christlichen Ikonographie: vol. 2*. Freiburg: Verlag Herder, pp. 444–448. (in German)
- Lafran, A. (2007) 'La Mort de Judas Iscariote dans les Bibles Moralisées du XIIIe siècle', *Revue Mabillon*, 18, pp. 163–192. (in French)
- Lipton, S. (1991) *Jews in the Commentary Text and Illustrations of the Early Thirteenth-Century Bibles Moralisées*: PhD Thesis. New Haven: Yale University Press.
- Lowden, Jh. (2000) *The Making of the Bibles Moralisées: vol. 1: the Manuscripts*. Pennsylvania: Penn State University Press.
- Luchitskaia, S. I. (2016) 'Moralizovannaia Bibliia: iz istorii zapadnoevropeiskoi rukopisnoi knigi', in A.O. Chubar'ian (ed.) *Universitas Historiae: Sbornik statei v chest' Pavla Iur'evicha Uvarova [Universitas Historyae: Collection of articles in honor of Pavel Yurievich Uvarov]*, pp. 219–227. (in Russian)
- Mellinkoff, R (1944) *Outcasts: Signs of Otherness in Northern European Art of the Late Middle Ages: vol. 1*. Berkeley: University of California Press.
- Oretskaia, I. A. (2016) 'Iuda Iskariot: Ikonografiia', in Patriarkha Kirill (ed.) *Ruskaia pravoslavnaia entsiklopediia: T. 28 [Russian Orthodox Encyclopedia: Vol. 28]*, pp. 399–400. (in Russian)
- Porte, W. (1883) *Judas Ischarioth in der bildenden Kunst*: PhD Thesis. Berlin: Draeger.
- Schiller, G. (1972) *Iconography of Christian Art: the Passion of Jesus Christ: vol. 2*, trans. by J. Seligman. London: Lund Humphries, pp. 77–78.
- Schintzler, N. (2000) 'Judas' Death: Some Remarks Concerning the iconography of Suicide in the Middle Ages', *The Medieval History Journal*, 3 (1), pp. 103–118.
- Weber, A. (2002) 'The Hanged Judas of Freiburg Cathedral: Sources and Interpretations', in Frojmovic E. (ed.) *Imagining the Self, Imagining the Other: Visual Representation and Jewish-Christian Dynamics in the Middle Ages and Early Modern Period*. Leiden: Brill, pp. 165–188.
- Westerhoff, I. (1995) 'Der Moralisierte Judas: Mittelalterliche Legende, Typologie, Allegorie im Bild', *Aachener Kunstblätter des Museumsverien*, 61, pp. 85–156. (in German)
- Zweig, B. (2014) *Depicting the Unforgivable Sin: Images of Suicide in Medieval Art*: PhD Thesis. Boston: Boston University.